

Зоя Ласкина

Лада Змеева

МЕЧ В НОЖНАХ ИЗ ДИКОЙ СЛИВЫ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

новелла

МИФ

Пролог

Рассказывают, что некогда в мире не было ничего, кроме плоской и бесплодной земли, омываемой водами холодного сонного океана, и небо нависало над унылой равниной, безмолвное и равнодушное, незнакомое ни с золотом солнца, ни с серебром луны, ни со звездными россыпями. Так было, пока однажды не грянул гром, не раскололось небо и не явился в струях проливного дождя Водный Дракон Шуйлун. Тогда грянул гром в другой раз, разверзлась земля, и из трещины вырвалась во всполохах огня Хо Фэнхуан, пылающий Феникс. Встретились они ровно посередине между небом и землей; от радости этой встречи пришла в мир божественная энергия ци, соединившая начала инь и ян, вдохнувшая жизнь в сушу и океан. Покрылась до того бесплодная земля травой и цветами, поросла деревьями и кустарниками, зашумела голосами птиц и зверей; проснулся океан, резво побежали в него могучие реки Дацзиньхэ и Тунтяньхэ*; и в огне, и в земле, и в воде, и в воздухе зародились большие и малые духи, и первые люди вскоре ступили в оживленный Шуйлуном и Хо Фэнхуан мир.

* Дацзиньхэ, по-китайски «Великая Золотая река», — имеется в виду река Хуанхэ. Тунтяньхэ, по-китайски «Река, проходящая через небо», — одно из древних названий реки Янцзы. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания авторов.*

У божественных владык родилось семеро сыновей: Лазурный Дракон Цан Лун, Красная Птица Чжу Цюэ, Белый Тигр Бай Ху, Черная Черепаха Сюань У, Летучая Рыба Фэй Юйфу, Жемчужный Дельфин Чжу Хайтунь и Желтый Журавль Хуансэ Хэ — и одна дочь, Голубой Феникс Луань-няо. Сыновья изучали пробужденный мир со всем рвением, учили людей читать письма на земле и в облаках, слушать духов всех стихий и говорить с ними. Со временем наиболее одаренные и стойкие из людей обрели особые способности, позволяющие чувствовать энергию, пронизывающую мир, парить в облаках и повелевать стихиями. Называли их сянь, бессмертными, ибо срок их жизни продлевался намного по сравнению с обычными людьми*, или заклинателями — за их необычайную силу.

Сыновья божественных владык поделили между собой пробужденную землю, и каждый увел за собой приглянувшихся ему сяней. Так возникли семь Великих кланов. Единственная же дочь Дракона и Феникса, прекрасная Луань-няо, осталась с простыми людьми, помогая им в мирной жизни, и пела так чудесно, что они забывали все невзгоды и печали.

Шли века, золотые волны омывали цветущие лотосы, а лепестки зимней сливы уплывали по красной воде**; сянь все так же правили своими землями, и страну их стали называть Жэньсяньго — страной стремящихся к бессмертию заклинателей.

Однако как луна, прибыв, убывает, как вода, заполнив емкость, переливается через край***, так и миру однажды приходит конец. Может, тесно стало заклинателям в своих землях, позавидовали они собратьям

* Бессмертие в концепции древнекитайского учения даосизма — состояние, которого теоретически способен достичь любой человек путем выполнения определенных ритуалов и практик (как физических, так и духовных) и приведения своего тела и сознания к гармонии со Вселенной. Если следовать круговороту энергии ци в природе и естественным ритмам, можно постоянно обновлять свое тело и сохранять жизненную энергию.

** Поэтическое описание смены времен года: лотосы — символ лета, золотые волны — осени, слива мэйхуа цветет даже зимой, а красная вода — символ весны, так как несет опавшие лепестки.

*** Крылатое выражение-чэньюй: «Ничто не вечно».

на пути совершенствования — ведь кажется, что у соседа и похлебка вкуснее, и цветы в саду пышнее; может, захватило их желание большей власти и могущества; а может, и вовсе вышли из равновесия темное и светлое начала, затмила разум сяней исказившаяся ци — теперь уже не узнать, как не узнать и имен тех, кто первым обнажил клинки не ради постижения искусства, а для убийства. Известно лишь, что война была долгой и кровопролитной.

Каждый клан славился своими боевыми техниками и заклинательскими умениями, никто не желал уступать и смиряться — тщетно божественные покровители пытались усовестить своих подопечных. Так и продолжалось, пока не случилось страшное: чудовищный взрыв сотряс небо и землю, вышли из берегов реки, огненный дождь пролился с небес. То позабыл о благодарности и чести один из кланов: стремясь получить преимущество в войне, его заклинатели осмелились призвать своего божественного покровителя против воли того, заполучить его силу и могущество, пленить сына владыки Небес и сделать своим оружием.

Не стерпели этого другие кланы, не стерпели и братья плененного бога; но даже совместными усилиями не смогли сдержать всю высвободившуюся мощь. Больше всего пострадали от нее горы на границе Жэньсяньго, где сходились владения кланов Чу Юн и Цинь Сяньян, но затопило и несколько населенных долин, многие города были разрушены. Тогда уставшие от сражений и бедствий простые люди собрались и восстали против сяней, что когда-то поклялись оберегать их, но истожили земли войной; и было их так много, что уstraшились заклинатели, и без того мучимые чувством вины перед людьми и богами. Верно ведь говорят: государь — что лодка, а народ — как вода: может нести, может и утопить.

Созвали главы кланов срочный совет и вынесли единогласное решение: остановить войну и впредь решать вопросы мирно. А чтобы никто в дальнейшем не осмелился нарушить договоренность, обратились они к народу с просьбой найти среди своих рядов человека, готового стать беспристрастным судьей и блюсти отныне порядок и закон между кланами. И был избран народом Чэнь Миншэн, названный мудрым, признавший главную вину за кланом Цинь Сяньян — их

земля понесла наибольший урон, и их, жителей предгорий, считали более всего охотчими до чужих владений, где зимой не клубятся холодные туманы, а летом не бушуют грозы.

Все кланы согласились поставить печати под договором о прекращении войны на условиях Чэнь Миншэна и признать его право судить их; все, но не Цинь Сяньян. Они настаивали на своей непричастности, не желая мириться с решением избранника народа, и обвиняли в бедствии соседний клан Чу Юн. Их словам, однако, никто не внял, и заклинатели Цинь Сяньян, не желая нести наказание, бежали в далекие западные горы. Никто не решился следовать за ними — ведь никто не знал эти неприветливые каменные громады лучше, никто больше не мог долго выдержать их суровые условия. След Цинь Сяньян затерялся среди глубоких ущелий и бурных рек.

Из семи великих кланов осталось лишь шесть.

Ослабленные бесконечной войной, напуганные страшными бедствиями, лишившиеся защиты оскорбленных божественных покровителей и измученные чувством вины перед народом, заклинатели все более вверялись Чэнь Миншэну и сами не заметили, как его власть укрепилась настолько, что из судьи он провозгласил себя императором — а народ, более не доверявший заклинателям, охотно поддерживал его.

Теперь каждый вновь избранный глава клана приносил императору мофа шиянь* — особую клятву повиновения, нарушение которой грозило смертью и ему, и его подчиненным; с течением лет забылись и слава, и правда былых времен; жила в народе лишь память о том, как оступились некогда заклинатели. Не стало более земли Жэньсяньго, именовали ее теперь Жэньго — «Земля людей».

* Дословно «магическая присяга».

ГЛАВА I

КОГДА СМЕРТЬ ВЫПИВАЕТ ВИНО, БОГИ ЗАМОЛКАЮТ

Не зря говорится: «Мудрый человек требует всего только от себя, ничтожный же человек требует всего от других». Си Сяньцзань мог по праву считать себя мудрым человеком — настолько высоких требований, что предъявлял он сам к себе, к нему не предъявлял никто. Ни покойный отец, с болезнью которого на семнадцатилетнего Сяньцзаня свалилось управление семейным делом; ни покойная же мать — от нее тогда совсем еще юноша постоянно получал лишь любовь и заботу; ни младшие братья, которым он заменил отца; ни старший брат. Впрочем, Шоуцзю утратил всякое право что-то требовать от него, когда покинул дом, следуя за призрачной мечтой стать заклинателем.

Нет, Сяньцзань уже не злился на него: глупо изводить себя обидой столько лет, да и не вытравить из души и сердца братскую привязанность к тому, с кем когда-то разделял и игры, и стремления. Однако он солгал бы, сказав, что никогда не хотел упрекнуть брата при встрече, ударить словами побольнее, закричать, чтобы передать все то, через что ему пришлось пройти без его поддержки, которой он так желал и на которую так рассчитывал. Спросить, зачем тот ушел, зачем бросил семью и его, Сяньцзаня. Сказать, что он не заслужил разбираться со всем в одиночку и никогда не должен был нести на спине этот закопченный котел*.

* Крылатое выражение-чэньюй: нести ответственность, о которой не просил; быть козлом отпущения.

Но это осталось в прошлом. С возрастом Сяньцзань научился если не контролировать свои эмоции, то подавлять их; понимал он к тому же, что и Шоуцзю пришлось несладко: непросто выбирать между мечтой и семьей, непросто жертвовать одним ради другого. Потому он и старался сдерживать свою злость и обиду, пытаясь хоть ненадолго подарить брату — любимому, несмотря ни на что — ощущение дома во время их редких встреч; показать, что своя комната, теплое одеяло и горячий чай всегда будут ждать его в доме Си. Что бы ни случилось.

И все же Сяньцзань, с юных лет взявший на себя слишком большую ответственность, не мог не терзаться мыслями, что где-то не уследил, чего-то вовремя не сделал, не сказал... Не смог что-то предотвратить или изменить. Пусть и выбор Шоуцзю — его и только его; пусть и в лавке дела идут хорошо: на днях как раз поступил большой заказ на пять свертков шелка и несколько отрезов ярко окрашенных хлопковых тканей от градоначальника на свадьбу единственной дочери; пусть и младшие братья давно пристроены и живут своей жизнью... Это чувство никогда не покидало торговца до конца, неотступно следуя за ним черной тенью.

Впрочем, Сяньцзань, привыкший все брать в свои руки, не сдавался этой тени без боя и позволял себе заслуженный отдых — когда голос разума подсказывал, что мир точно не рухнет за половину ши* бездействия. Вот и сейчас, оставив позади длинный трудовой день, он решил дать себе немного расслабиться за чашечкой травяного отвара.

На этот раз, однако, расслабиться не получалось. Пометавшись по комнате какое-то время, Сяньцзань все же заставил себя усилием воли примоститься у низкого столика и налить в пиалу успокаивающего настоя; но едва лишь он успел вдохнуть изысканный аромат, как снаружи раздались громкие голоса, кто-то невнятно вскрикнул, и в дверь судорожно застучали.

— Господин Си! Господин Си!

Сяньцзань чуть не выронил свою пиалу.

— В чем дело?

* То есть примерно за час. Каждый ши составлял $\frac{1}{12}$ времени суток, то есть удвоенный современный час (120 минут).

— Господин Си, прибыл молодой господин Си!

— Что? Насколько молодой господин Си? Ючжэнь здесь? Да открой ты уже дверь!

— Как прикажете, господин!

Едва дверь распахнулась, в комнату, практически отпихнув слугу, ворвался молодой человек в светло-зеленом ханьфу и черной шапке-мао*. Он раскраснелся и тяжело дышал.

— Диди**?! — Сяньцзань порывисто поднялся с места. — Что ты здесь делаешь? Твои выходные в этом месяце уже закончились, ты должен быть на службе!

— Эргэ***... — Обычно спокойного и доброжелательного Иши ошутимо трясло — с заметным трудом он взял себя в руки и, пройдя к столу, без сил опустился на подушку. — Господин Цао не знает, что я здесь, но не волнуйся, эргэ, он благоволит мне... Я успею вернуться до исхода ши Крысы****.

— За тобой будто стоя цзянши***** гналась, диди. — Сяньцзань налил еще пиалу и пододвинул брату. — Вот, успокойся и расскажи все как есть.

— Эргэ... — Даже не притронувшись к отвару, Иши поднял на брата совершенно больные глаза. — Дагэ*****... Он мертв.

— Что? — Все звуки словно отодвинулись, стали далекими-далекими. Сяньцзань ощутил, как горло будто сдавило железной рукой. — Что ты сказал?

— Дагэ мертв, — повторил Иши и разрыдался как ребенок.

Аромат трав теперь отчетливо отдавал горечью и пеплом.

Безотчетно поглаживая по голове уткнувшегося ему в колени Иши — тот уже не рыдал, а только всхлипывал, — Сяньцзань пытался отыскать

* Часть традиционной одежды чиновника.

** Обращение старшего брата к младшему.

*** Обращение младшего брата ко второму по старшинству старшему брату.

**** Все ши в сутках названы в честь двенадцати зодиакальных животных. Крыса — первый ши, время с 23:00 до 01:00.

***** Оживших мертвецов.

***** Обращение младшего брата к самому старшему брату.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

